

СЕМАНТИКА ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена изучению семантики имён персонажей в повести А. Платонова «Джан». Выясняется, какую роль играют ориентализмы в структуре произведения. Отмечается системность отбора антропонимической лексики арабо-мусульманского происхождения. Иносказательные смыслы, реализованные в художественном тексте, выявляются также в свете значений персидских и тюркских личных имён.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, художественный текст, имя персонажа, ориентализмы, иносказания.

Abstract: the article is devoted the study to the semantics of the character's names in Andrei Platonov's story «Dzhan». Turns out, what role is played by orientalism in the structure of work. It is noted that the consistency of the selection anthropological vocabulary of Arab-Muslim origin. Allegorical senses, realized in fiction text, are also identified in the light of the values Persian and Turkic personal names.

Key words: A. Platonov's works, fictional text, the character's name, allegorical senses.

Разработке антропонимических значений в романах «Чевенгур», «Счастливая Москва», повестях «Епифанские шлюзы», «Котлован», «Ювенильное море», «военных рассказах» А. Платонова посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей¹ [1].

Вместе с тем известны трудности, возникающие при изучении личных имен персонажей из повести «Джан». Очевидная причина тому – разночтения в установлении культурных кодов, реализованных в тексте этого произведения. В круг несовпадающих ассоциаций, порожденных различными эпизодами сюжета, вовлекаются имена и события из античной, ветхозаветной, новозаветной мифологии. В научно-критической литературе Назара Чагатаева сравнивают то с Прометеем, то с Моисеем, то с Христом (в последние годы чаще, чем прежде). Существует мнение, что в имени героя Назар (с древнееврейского: «посвященный Богу») «откликается» новозаветная трагедия [2, 682].

Однако анализ записей, сделанных А. Платоновым в Туркмении, позволяет утверждать, что в ходе среднеазиатских поездок писателя почти не интересовали библейские (в том числе древнееврейские) имена, зато явно привлекала восточная ономастика, прежде всего имена тюркского, персидского и арабского происхождения – их этимология, принадлеж-

ность к мужскому и/или женскому роду, приближенный перевод.

Характерны примеры из записных книжек А. Платонова: «Ай-Султан – лунная царица» [7, 129], «Курбан-Нияз, Эмир Баба», «Сеид Мухаммед – аристокр<атическое> (?) имя туркм<енское>», «Чары Великов, чары – четвертый», «Дурды-Векиль – имя мужское», «Кочмат, имя муж<ское>», «Казанбай – имя» [7, 131], «Имена: Атах-Баба, Назар-Шакир, Ода-Кара», «Ак-Мурад-Джанар, м<ужское> имя» [7, 133], «М<ужские> имена: Ораз Бабаджан, Чекиров, Якубджанов», «Жен<ское> имя: [Джумаль] Джима-Гуль», «Жен<ские> имена: Айдым, Гюн, Огуль» [7, 138], а также др.

Многие из только что приведённых имен использованы в рассказе «Такыр» и в повести «Джан». И сделано это с избирательной последовательностью: в распределении сюжетных ролей, смысловых параллелей, задающих иносказательные проекции, писателем учитывается значение имён персонажей, поданных как минимум двумя восточными традициями – тюркской и арабо-мусульманской, пришедшей в Среднюю Азию с распространением ислама.

В повествовании о народе джан уже в имени и фамилии Назар Чагатаев очевидна соотнесённость указанных влияний. В «говорящем» личном имени Назар – «дальновидный», «видящий», образованном от арабского глагола *назара* – глядеть, смотреть, видеть, закреплена характерная для героя способность различать истинное и мнимое. Дополненная фамилией Чагатаев (от тюркского *чагатай* – честный, чистосердечный), семантика именования

¹ См. труды Е. Толстой, А. Харитонова, других исследователей.

главного героя повести обнаруживает следующее значение: «искреннее», «честное» зрение.

Способность «узнавать» потаенную суть имён, вещей, явлений, скрытую от взгляда человека, живущего машинально, коренным образом отличает Чагатаева от большинства персонажей повести, в том числе от его соплеменников, оказавшихся дезориентированными в пространстве и времени.

Говоря об «распознающем», изначально честном зрении Назара, отметим особую природу его дара, обусловленную не профессией, но созвучием судеб Чагатаева и его народа. В рассказе «Такыр» проблема «зрения» героя решалась иначе: бывший австрийский солдат с «церемониальным» именем *Стефан* (от греч. «венок», «корона») и «фатально» звучащей фамилией *Катигроб*, когда-то работал в Вене оптиком. Довоенная профессия героя предусматривала хорошее знание секретов визуальных образов, но в бесплодной пустыне он наблюдает лишь непонятные «миражи, исчезающие эфемеры света и жизни» [6, 305].

Чагатаеву же его дар подсказывает скрытый от окружающих смысл имен и названий в городе, далёком от места рождения героя. Волнующие звуки музыки, например, помогают Назару вспомнить, как звали его мать в почти забытом детстве: «– *Гюльчатай!* – сказал он вслух.

– Что такое? – спросила его соседка, технолог.

– Ничего не значит, – объяснил Чагатаев. – *Гюльчатай* – моя мать, горный цветок. Людей называют, когда они маленькие и похожи на всё хорошее...» [6, 144–115].

Отбор антропонимической лексики арабо-мусульманского происхождения для повести «Джан» также весьма показателен. В упомянутой выше записной книжке А. Платонова значится «Сеид Мухаммед» с пометой «аристократическое» (?) имя туркменское» [7, 131].

В арабских странах *сейид* – уважительное обращение к мужчине; в дословном переводе на русский язык это слово означает «господин». Но необходимо уточнить: в мусульманском (шиитском) мире *сейид* – один из потомков пророка Мухаммеда. Судя по записным книжкам, указанное значение слова интересовало А. Платонова.

Показательно, что в повести «Джан» писатель называет уполномоченного райисполкома Нур-Мухаммедом, заменяя найденную вначале лексику «Сеид» на «Нур» и таким образом отказываясь от указания на родословно-«аристократическую» семантику имени в пользу символично-метафорического значения. Если учесть, что составная часть личного имени *Нур*-, вошедшая в языки многих мусульманских стран, в переводе с арабского означает «свет», «луч», «сияние», то замена, найденная писателем в процессе работы над повестью, задает существенный ракурс восприятия персонажа, идейно и сюжетно противостоящего Назару Чагатаеву.

Имя *Нур-Мухаммед*, воспроизводимое нейтральным рассказчиком в полной и в сокращенных формах (*Мухаммед*, *Нур*), вызывает устойчивые ассоциации с мусульманской мифологией и религиозно-гуманистическими установками ислама, важнейшими из которых являются верность данному слову, помощь бедным, надежда на счастье и справедливость уже в земной жизни [5, 3].

Освященные именем Пророка, эти морально-ценностные понятия абсолютно чужды корыстолюбцу, ведущему по пустыне малочисленный народ, ослабевший от лишений, голода и болезней. Взяв на себя труд хоронить тех, кто оказался в его власти, спаситель-самозванец, носящий такое значимое для правоверных мусульман имя, как Нур-Мухаммед, на деле обманывает всех, кто ему поверил, тайно вынашивая планы «продать в рабство старым ханам» остатки вымирающего народа, чтобы найти в Афганистане счастливую жизнь без «профсоюзов, кооперации», в собственной богато убранной «курганче».

Эгоизм, соединенный с ненавистью к беднякам, оказывается сильнее корысти. Лживый поводырь с «удовлетворением» [6, 169], а затем и «с наслаждением» [6, 179] ежедневно ведёт счёт умершим, решив, что лично ему будет «полезно» ускорить гибель ослабевших путников, доверивших ему свои жизни. Несмотря на своё «лучезарное» имя, Нур-Мухаммед является сторонником тьмы и смерти, а не света: он даже «пошевеливался в некотором танце, видя в людях их последний песчаный сон. Он ценил теперь себя дороже, выше, – ему больше достанется добра в пустыне и на всей земле, потому что живых становится меньше» [6, 179–180].

Смерть – «великая разлучница людей» [6, 303]. Эти слова, приписываемые пророку Мухаммеду, проносит в минуту печали один из героев рассказа «Такыр», имея, правда, в виду не высокие материи, а понесённые убытки. «Оправдать хоть немного свои убытки от работы в Советском Союзе» [6, 180] надеется и уполномоченный райисполкома из повести «Джан», но прямые отсылки к изречениям посланца Аллаха в тексте произведения отсутствуют: сюжетная функция этого персонажа актуализирует вопрос о несоответствии «внутренней формы» имени истинным мотивам его поступков, идеалам, ценностным ориентирам.

Как известно, образ Пророка дорог мусульманам тем, что тот был избран Всевышним для идеализации осмысленной, наполненной благими делами жизни, а не для оправдания машинального существования, ведущего к никчёмной смерти. Избран не для осуждения, а для спасительного увещевания.

Далёкий от высоких устремлений, Нур-Мухаммед предаётся человеконенавистнической философии, но пытается выступать в роли оракула. Предсказывая судьбу обездоленных жителей пустыни, он соединяет существующее в разных религиях по-

нятие «покой» с бездушными, почти канцелярскими формулировками: «Нур-Мухаммед ответил Назару, что сердце народа выболело в нужде, ум его стал глуп и поэтому своё счастье ему чувствовать нечем; лучше будет дать покой этому народу, забыть его навсегда или увести куда-нибудь в пустыню, в степи и горы, чтоб он заблудился, и затем посчитать его несуществующим» [6, 155].

Следует отметить, что приведённые умозаключения, как и реакции на них Чагатаева, других персонажей повести, основаны на различных значениях слова *джан*, не совпадающих в персидском, тюркских и арабском языках. Рассказчик уточняет географический и социально-исторический ареал значений слова, послужившего названием произведения, только в 19 главе повести, ссылаясь на пояснения самих пустынножителей: «Мы – джан, ответил старик, и по его словам оказалось, что все мелкие племена, семейства и просто группы постепенно умирающих людей <...> в нелюдимых местах пустыни, Аму-Дарьи и Усть-Урта, называют себя одинаково – джан. Это их общее прозвище, данное им когда-то богатыми баями, потому что джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет, кроме души, то есть способности чувствовать и мучиться. Следовательно, слово «джан» означает насмешку богатых над бедными. Баи думали, что душа лишь отчаяние, но сами они от джана и погибли, – своего джана, своей способности чувствовать, мучиться, мыслить и бороться у них было мало, это богатство бедных...» [6, 230].

Напомним, что в переводе с туркменского и персидского *джан* – «душа», «жизнь». Тогда как для арабов *джан* – собирательное наименование духов из потустороннего мира [3, 140].

Именно с последним из перечисленных значений слова, широко известного на мусульманском Востоке, идентифицирует идущих за ним измученных людей Нур-Мухаммед: «Мертвых должны хоронить живые, а здесь живых нет, есть не умершие, доживающие свое время во сне, – ты им не сделаешь счастья, и даже своего горя они уже не знают, они больше не мучаются, они отмучились» [6, 156].

Аксиологическая альтернатива сказанному – поиск смысла существования народа джан, содержавшегося в словах с непреходящей ценностью – «душа» и «жизнь». Однако истинный «смысл всеобщего и личного существования» доступен не всем. Оказавшись на границе между жизнью и смертью, бредущие по пустыне старики готовы поверить Нур-Мухаммеду. Суфьян притворяется мертвым, оправдывая свой выбор тем, что «душа занемела от жизни <...> кости ссохлись и согнулись, жилы сморщились: они потянуться захотели, пускай их дождь помочит, ветер посушит, черви пожуют, а то я им мешаю...» [6, 170]. Считает «себя умершим» и Ораз Бабаев, бывший ферганский раб: «Нам не живется, – сообщил он вслух, – мы каждый день пробовали» [6, 170].

Назар Чагатаев пробуждает стариков к жизни и тем самым восстанавливает забытый смысл их имен, означающих на Востоке надежду на лучшую долю: *Суфьян* в переводе с арабского означает «ветер»; *Ораз* (Ураз) в тюркских языках – «удачливый», «счастливый».

Ищущий путь, спасительный для погибающих соплеменников, Чагатаев замечает, что власть поводыря-самозванца с почти мессианским именем Нур-Мухаммед основывается на вялом воображении обессилевших людей. Привычные молитвы заменяют им полноценное зрение: «Нур-Мухаммед вёл за руку слепого Моллу Черкезова; позади их шла мать Чагатаева и перебирала маленькими ногами Айдым. Далее были другие люди, и среди них старый Суфьян, бормочущий Назар-Шакир, его жена, которую он любил, как единственный дар своей жизни, затем Дурды рядом с женой, всего человек четырнадцать, может быть, восемнадцать. Остальной народ, наверное, не мог проснуться или потерял силу и желание передвигаться. <...> Молла Черкезов левой рукой держался за Мухаммеда, а правой искал что-то в воздухе, – у всех глаза были закрыты, они шли дремлющими, некоторые шептали или бормотали свои слова, привыкнув жить воображением. Один только Нур-Мухаммед глядел вперед открытыми глазами, сознавая ясно весь мир» [6, 161].

Драматическое развитие сюжета ускоряет разоблачение поводыря-самозванца. И происходит это не только событийно, но и символически. Назар Чагатаев и Нур-Мухаммед сошлись в непримиримом споре о судьбе девочки *Айдым*, в имени которой откликаются значения, почерпнутые в туркменском языке («народная песня») и в других тюркских языках (составная часть *Ай* – указывает на связь со светом Луны).

Спасённая от смерти, предсказанной оракулом-поводырем, Айдым ведёт себя, как в героической народной песне, отбиваясь от насилия и рабства, и сдирает родинку с шеи Нур-Мухаммеда, служившую тому фальшивым знаком избранничества (согласно мусульманской мифологии, у посланца Аллаха Мухаммеда на спине была родинка, «печать пророчества»). Избегая на этот счёт недоговорённости, повествователь называет кровотокающую отметину на шее Нур-Мухаммеда обычной «болячкой».

Но этим эпизодом вопрос о том, как под коростой суеверий и лживых примет может открыться истинная цена каждому, отнюдь не исчерпывается.

В системе иносказательных проекций сюжета, сформированных «ориентальной семантикой», существенная роль отведена Суфьяну, имя которого также вызывает историко-культурные ассоциации, значимые для раскрытия художественной концепции произведения. Напомним, что Абу Суфьян – правитель Мекки, вошедший в мусульманскую мифологию как человек, враждовавший

с пророком, а затем признавший его поборником дарованных Всевышним истин, считается упорным сторонником доисламских верований, прозревшим не сразу.

В повести «Джан» именно Суфьян рассказывает древнее зороастрийское предание о вечной борьбе Аримана и Ормузда, а затем, приняв историческую и нравственную правоту посланника советской власти – Чагатаева, становится председателем избранного бедняками совета. Его переход от старой веры, суеверий и заблуждений на новый путь поэтому глубоко символичен.

Как отмечалось выше, существует многолетняя исследовательская традиция считать Чагатаева «преемником» Прометея, Моисея, а с недавнего времени и Христа. Но повесть «Джан» явно соотносится с мусульманскими мифологическими сюжетами. «Необычная биография» Чагатаева, «еще мальчиком отторгнутого от своего народа» [4, 99], воспитанного вдали от него, однако неведомым образом предчувствующего приближение «большого звёздного времени» [6, 159], отчасти напоминает о сохранённых в айатах и хадисах (преданиях) подробностях жизни Пророка, вскоре после рождения отданного на воспитание в чужое племя. Как известно, Мухаммеду, не обученному чтению, великие истины открывались в ночном небе как горящие письма. Громовой голос озвучивал ему небесные пророчества.

В повести «Джан» душеспасительные письма, не подвластные времени, открываются Чагатаеву в исторически конкретном измерении: слова, глубоко вырезанные штыками в «тридцатом или тридцать первом году» на глиняной стене заброшенной крепости, убеждают героя в том, что «непрожитая жизнь» тех, кто пожертвовал собой ради общего блага в борьбе с войсками рабовладельцев, «будет дожита другими...» [6, 157]. О метафизическом смысле происходящего напоминает надпись *Ораз Голоманов*, сделанная химическим карандашом на внутренней стороне шлема погибшего бойца. Понимающий скрытое значение слов, Назар передаёт своей

матери полуистлевшую буденовку как реликвию, завещанную его народу красноармейцем с символическим именем «Ораз» (т. е. «счастливый» по-туркски).

Все сказанное не означает, что Назара следует считать новоиспечённым Пророком и/или Мессией, а старого Суфьяна, как и других персонажей повести, – участниками священной истории мусульман, переосмысленной и приспособленной к советским реалиям.

Семантика и соотнесённость личных имён в повести «Джан», актуализация в структуре сюжета закреплённых за ними иносказательных значений являются важным способом выражения авторской мысли о том, что самые губительные обстоятельства преодолимы, если сохранено объединяющее людей стремление к счастливой жизни, к ценностям, не подвластным расчётам лживых поводырей, казуистическим подменам, историческому забвению.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. труды Е. Толстой, А. Харитоновой, других исследователей.
2. Жунтурова-Фишерман О. Культурные традиции в повести «Джан» / О. Жунтурова-Фишерман // «Страна философов» А. Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. – СПб. : Наука, 2000. – С. 677–687.
3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Русский язык, 1977. – 942 с.
4. Бороздина П. А. Повесть А. Платонова «Джан» / П. А. Бороздина // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1970. – С. 92–106.
5. Коран. Предметно-именной указатель аятов. – СПб. : Издательство «Диля», 2012. – 224 с.
6. Платонов А. П. Джан. Такыр // Андрей Платонов. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. Собрание. – М. : Время, 2010. – 624 с.
7. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 421 с.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature of the XX and XXI Centuries, the Theory of the Literature and Folklore Department
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*